

В.В. Никульцева

### «Чему молилась ты с любовью...»

Стихотворение посвящено Елене Александровне Денисьевой (1826–1864) и входит в так называемый «Денисьевский цикл» Тютчева. С этой женщиной, оказавшей большое влияние на жизнь и творчество Тютчева и вызвавшей в нем сильную страсть, поэт встретился в июле 1850. Произведение датируется 1851 — началом 1852 — периодом наивысшего расцвета любви Тютчева к Е. Денисьевой. Это стихотворение поэт включал во все свои прижизненные издания. Впервые оно напечатано в «Современнике» (1854), и так как рукопись утеряна, то данный текст принято считать каноническим.

Художественное произведение состоит из трех катренов, каждый из которых представляет собой законченную мысль в виде сложных либо осложненных предложений. Рифмовка строк перекрестная, в нечетных строках рифма женская, в четных — мужская. Стихотворный размер — 4-стопный ямб, местами перебиваемый пиррихиями.

«Язык страсти, язык женского сердца ему знаком и дается ему», — отмечал один из критиков. Действительно, Тютчев необыкновенно точно и психологически верно передает ощущения лирической героини. В первых двух катренах поэт создает ужасающую в своей правде картину людской пошлости», истоптавшей светлое чувство возлюбленных. Он сетует на то, что женщина не может противостоять натиску бездушной толпы и стыдится «тайн» и «жертв» любви. Завершающая часть произведения похожа на молитву, в которой выражено запоздалое желание иметь высшую защиту от «людского суесловия».

Несмотря на простоту лексики, стихотворение очень сложно по форме. Из сокровищницы русского языка автор выбирает слова нейтральные, реже книжные, но многие из них, преобразаясь в философском осмыслении контекста, приобретают символическое звучание. Таковы слова *святыня* (любовь, страсть, желание, душевные порывы, тайны), *святилище души* (внутренний мир женщины, хранилище тайн и чувств, хрупкий сосуд, жертвенный алтарь), *живые крылья души* (Божество, живая космическая энергия, защита, успокоение, нереализованные возможности людских душ), *людская пошлость* (индивидуальное качество человека, людской порок, непонимание, преграда). Очень характерны в данном контексте слова с семантикой, несущей отрицательный заряд: *суесловие* (клевета, сплетни), *поруганье*, *толпа* (достаточно вспомнить пушкинское противопоставление «поэта и толпы» — именно *толпа*, а не *люди*, *человечество*, *народ*, что имеет совершенно иную оценочную характеристику), *вломилась* (вошла напором, силой ворвалась), *постыдилась* (в раннем варианте — *устыдилась*; стыд, по мнению автора, чувство, которое не красит человека, а унижает в глазах заурядных обывателей), *насилье* (физическое и моральное давление), *пошлость* (здесь употреблено как синекдоха — отвлеченное качество человека переносится на весь макромир, поглощающий возлюбленных). Даже слово из межстилевой лексики — *доступных*, попадая в окружение слов со столь сильным отрицательным зарядом, получает его частицу: «тайны и жертвы» души стали приобретением толпы, которое можно смаковать и пачкать грязными сплетнями. На фоне обширной группы слов-символов и слов с отрицательной коннотацией тем незаметнее слова-связки, уравнивающие, казалось бы, несоотносимые пласты лексики. Но как раз они подсказывают ключевые слова стихотворного текста, те слова, которые дают разгадку основной темы и идеи художественного произведения. В начале стихотворения обращает на себя внимание препозиционное употребление относительного местоимения *чему/что*, которое дает толчок к отысканию существительного, коррелирующего с этим словом. Тщательный анализ 1-й и последующих строф не позволяет сразу обнаружить искомое, но наталкивает мысль на другое, смежное с ним слово — *душа*. Метафора *святилище души*, ее *тайны* и *жертвы* помогает вскрыть антитезу, содержащую

ключевые слова текста: с одной стороны, *толпа* как символ бессмертной (в черновом варианте — *безмерной*) *пошлости людской, людского суесловия*, с другой — то, *чему молилась ты с любовью, / Что, как святыню, берегла*, то есть нежность, материнский инстинкт, страсть и обожание, глубоко спрятанные в сердце возлюбленной. Не случайно на другой чаше весов находится толпа, *людской суд*. Этот конкретный образ Тютчев-философ и поэт связывает с идеей возмездия, судьбы. Страстное и сильное чувство, испытываемое женщиной, должно иссякнуть не в силу своей самодостаточности, но по велению рока. И нежное, самоотверженное сердце ее не в состоянии противостоять этой «убийственной» страсти, этой стихии, поэтому слова последнего четверостишия так напоминают слова молитвы во спасение заблудшей души, «живые крылья» которой так и не смогли сберечь женщину от позора.